

Паоло Милоне

ИСКУССТВО ПРИВЯЗЫВАТЬ К ЖИЗНИ

мемуары психиатра
о границе между
безумием
и нормальностью

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

УДК 616.89
ББК 56.14
М60

Paolo Milone
L'ARTE DI LEGARE LE PERSONE
© 2021 and 2022 Giulio Einaudi editore s.p.a., Torino

Милоне, Паоло.

М60 Искусство привязывать к жизни. Мемуары психиатра о границе между безумием и нормальностью / Паоло Милоне; [перевод с итальянского Ю. Гармашовой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Психологический бестселлер).

ISBN 978-5-04-218773-5

Его пациенты не различают реальность и игру своего больного разума, слышат голоса, месяцами, не снимая, носят одну и ту же одежду, годами не выходят из дома... Его рабочие будни наполнены криками и борьбой, нередко физической, за жизни тех, кто стоит на краю бездны.

Паоло Милоне – врач-психиатр, который 40 лет проработал в психиатрическом отделении больницы в Генуе. Здесь тайна психического заболевания соседствует с повседневной жизнью тех, кто в конце смены снимет белый халат и поспешит домой, стараясь не забыть купить молока.

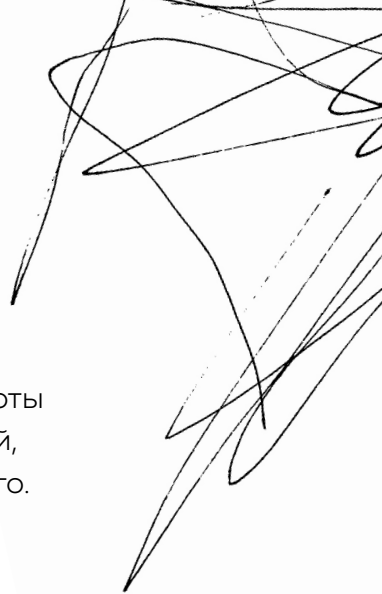
Написанная с необыкновенной любовью к своей непростой профессии и большим сочувствием к пациентам – эйфоричным, тревожным, истероидам, депрессивным, шизофреникам – книга Паоло Милоне напоминает о том, что безумие всегда рядом. Даже если мы его не замечаем.

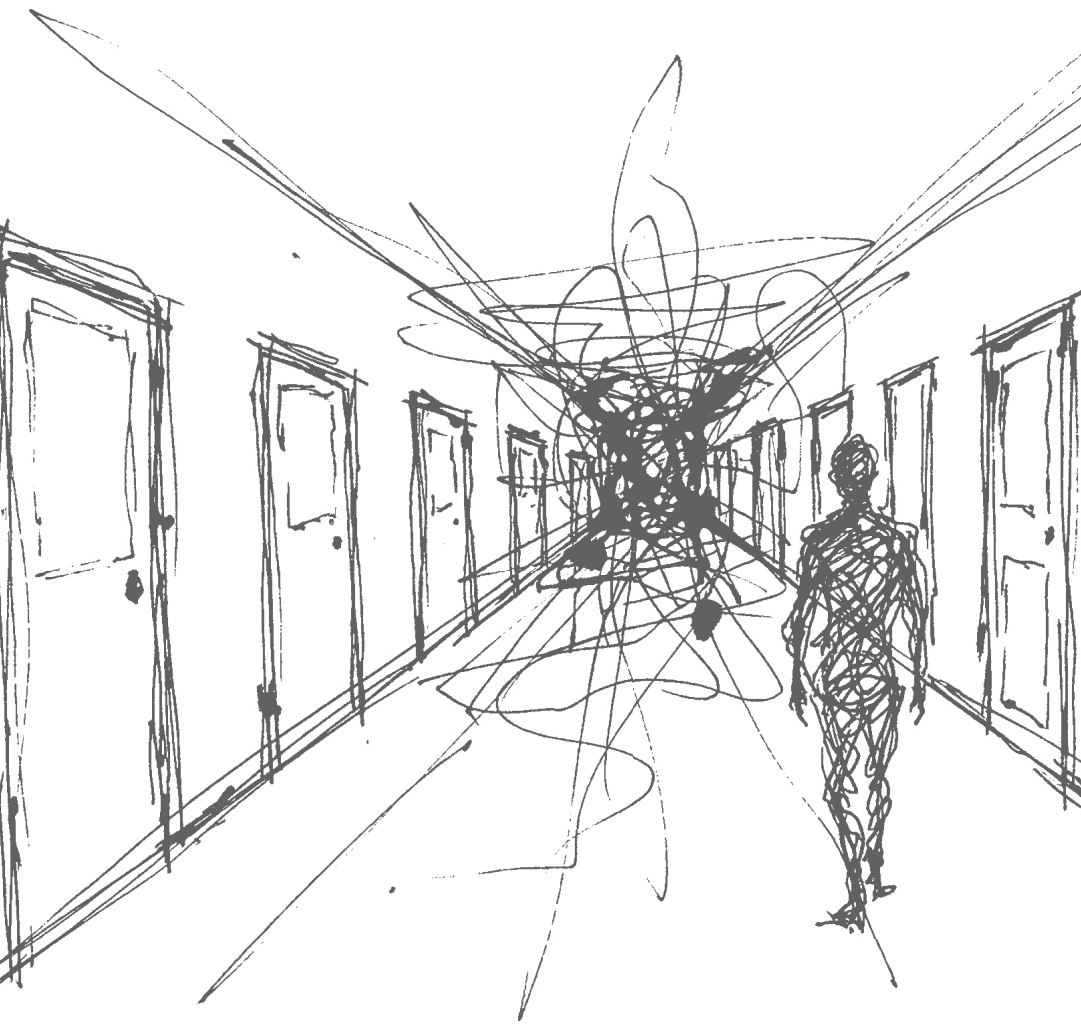
УДК 616.89
ББК 56.14

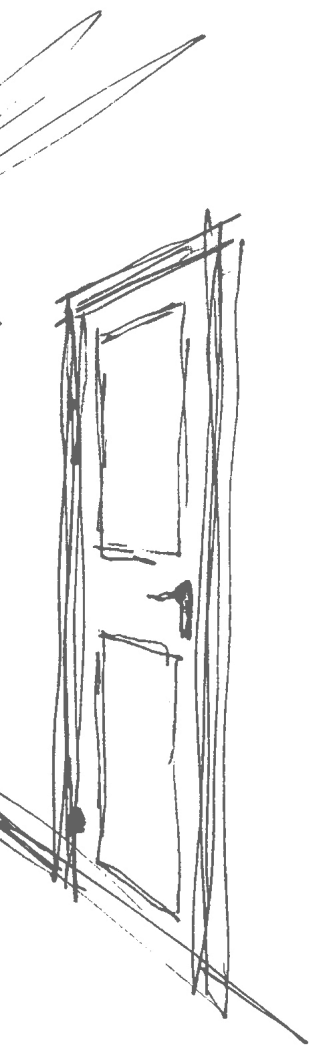
ISBN 978-5-04-218773-5

© Гармашова Ю., перевод на русский язык, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Избегая любой другой работы
из страха, я оказался на той,
которой бояться больше всего.

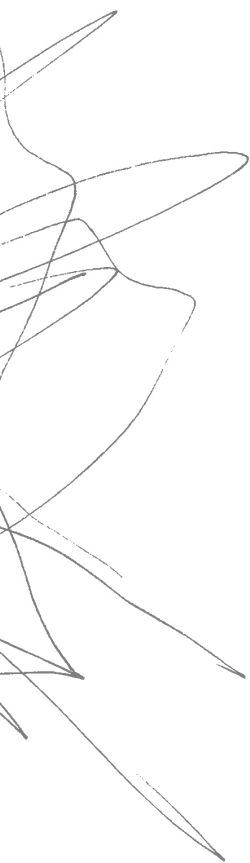

Глава первая

Отделение 77

1.

Впервые прохожусь по новому психиатрическому отделению и вижу, что в нем нет отдельного кабинета для приема пациентов.

Как если бы в хирургическом отделении забыли про операционные.

Спрашиваю:

— Где мы будем принимать пациентов?

На меня смотрят с удивлением, будто я задал странный вопрос:

— Как где? В палате, разумеется!

Говорю:

— Хирург в палате может сделать перевязку, снять швы, осмотреть живот. Но оперировать он будет в операционной.

Я психиатр, и у постели пациента я с ним здороваюсь, перекидываюсь парой фраз, хлопаю по плечу, шучу, улыбаюсь.

Может, я еще молод, но одно знаю наверняка: чтобы работать с пациентами, мне нужна отдельная комната, черт побери.

2.

Я продолжаю настаивать: мне нужен отдельный кабинет для работы с пациентами.

В ответ мне говорят, что такая роскошь нам не по карману.

Роскошь? Но ведь кабинет для приема пациентов — это всего лишь пустая комната.

3.

Они вытаскивают швабры из кладовки и спрашивают:

— Доволен?

Отвечаю:

— Здесь слишком тесно.

— Тогда иди в столовую.

— Там слишком просторно.

— Да ты сам не знаешь, чего хочешь!

В комнате для работы с пациентами должно быть:

не слишком просторно, но и не слишком тесно;

не слишком светло, но и не слишком темно;

не слишком шумно, но и не слишком тихо.

И тут до меня доходит: это просто какая-то волшебная комната. А значит — у меня ее никогда не будет.

4.

Вчера начальство гурьбой нагрянуло осмотреть новое психиатрическое отделение — и осталось

довольно: «Какие просторные палаты у пациентов!»

Потом той же шумной и восторженной толпой они двинулись дальше — к новым горизонтам.

А я подумал:

Люди, склонные к эйфории, обычно амбициозные, напористые, неудержимые. Эйфория помогает им делать карьеру.

Но стоит им занять желанную должность — и тут же приходит скука. Вместо того чтобы работать, они начинают озираться по сторонам: «А что я вообще здесь делаю?»

И в ту же минуту ищут, куда бы еще продвинуться. Именно в этом их слабость — им необходимо движение.

Вот почему такие начальники искренне считают, что пациентам обязательно нужен простор: для них самих простор — абсолютная ценность.

Но это далеко не так.

Эйфория — всего лишь одно из множества психических состояний.

Есть пациенты, которым все равно, сколько вокруг места. А есть и те, у кого (невероятно, но факт) дополнительное пространство вызывает тревогу.

Мир полон депрессивных людей, которые засыпают на диване, не раздеваясь, или лежат на самом краю кровати, даже не натянув на себя одеяло. А многие и вовсе спят, сидя на стуле.

Дашь такому двуспальную кровать — через месяц

она все так же останется нетронутой. Им так лучше. То, в чем они на самом деле нуждаются, вовсе не простор.

5.

Я вхожу в огромную пустую палату.
Пациент маячит где-то вдали, на своей кровати.
Пересекаю кубометры пустоты,
пропитанные безумием, где сосуществуют бесконечные миры.
И после долгого молчаливого пути в тишине
наконец достигаю острова отчаяния,
в то время как его хозяин уже разбудил своих псов
и вытащил нож.
Я прихожу уставший, безоружный.
И больше не знаю, что говорить. Что делать.
Хочется пятиться назад, к твердой земле,
оставив эту шлюпку на бескрайних волнах чужого
безумия.

6.

Каждое утро — как дрожь по коже.
Чтобы попасть на работу, я прохожу через три бронированные двери.
Словно вхожу на территорию атомной станции,
где реакторы охлаждаются в тяжелой воде.
Или — в хранилища Банка Италии,
набитые слитками золота и платины.
Или — в недра лаборатории ядерной физики под
Гран-Сассо.

Или — в логово СПЕКТРа, где бродит белоснежный кот Блофельда.

Или — в институт, где изучают вирус Эбола.

А на деле — разочарование.

Открываю первую, вторую, третью дверь —
и снова те же лица:

Джованни. Лидия. Антонио.

7.

Поговаривают о сокращении числа коек в отделении — и все этому рады.

Начальство довольно: сплошная экономия.

Медсестры — тоже: меньше хлопот.

А я, врач? Чему мне радоваться?

Тому, что и у меня будет меньше работы?

Вот я и брожу по опустевшим коридорам, слушаю, как дождь шумит за окном, как ветер колотит ветвями деревьев в стекла.

Вот она — новая психиатрия. Ее нет. Какая радость.

8.

Когда меня, вчерашнего выпускника, только приняли на работу в Центр психического здоровья, всех удивляло, что я запираюсь в кабинете, чтобы поговорить с пациентом. Там так не делали — это казалось каким-то университетским новшеством.

Стоило мне начать разговор, как дверь тут же открывали без стука — кто-нибудь обязательно заглядывал внутрь. Просто из любопытства.

Потом приходил медбрат, хлопал одним, двумя, тремя ящичками, искал что-то, чего, по всей видимости, там не было, и без слов уходил.

Если я закрывался с женщиной, в кабинет обязательно заглядывал сам заведующий — удостовериться, что мы не занимаемся сексом.

Кто-то постоянно входил и выходил:

один спрашивал, сколько мы еще будем занимать кабинет,

другой заранее бронировал его на вторую половину дня,

третий просил разрешения воспользоваться телефоном,

а четвертый недовольно замечал, что мы сидим тут уже целых десять минут.

Два человека, закрывшихся в комнате, просто чтобы поговорить, — это настораживает. Что-то здесь нечисто.

Даже в Центре психического здоровья.

9.

В новом отделении потолки утыканы дымовыми датчиками и прочей дьявольской электроникой.

Ночью — сплошное мигание: белые, красные, зеленые огоньки пульсируют в темноте, как светлячки летом в деревне.

На третий день после открытия один из параноиков говорит мне, указывая пальцем в потолок: «Они отсюда за мной следят».

Для пациентов эти огоньки — видеокамеры, микрофоны, распылители ядов.

Вчера я спросил начальство: «А нельзя ли эти датчики прикрутить куда-то в другое место?»

На меня посмотрели как на сумасшедшего.

10.

Я уже собирался уходить домой, но тут в приемный покой привозят тебя.

— Ее зовут Лукреция, — говорят мне. — Она порезала себе шею.

Ты смотришь на меня с дерзкой улыбкой двадцатилетней.

— Покажи мне руки, — прошу я.

Ты отстраняешься.

Мне приходится отвлекать тебя, играть, как с ребенком, чтобы на них посмотреть.

А потом с помощью двух медбратьев я осматриваю твое юное тело, пока ты брыкаешься и плюешься от обиды.

На тебе тридцать свежих порезов, сделанных сегодня, некоторые глубокие.

— Ты что, дура? — кричу тебе в лицо.

Ты показываешь мне язык,

а затем вонзаешь четыре ногтя в мою плоть и даже не думаешь ослаблять хватку.